

Сілосная яма была там в Трósне, и нас шэсть человек туда, в эту фсчочыли в яму. И нач... так солдатики эти уехали, и вот их поймали двух салдат, схватили. Куда их дели, я их не... я куда... куда они их дели, но ранили их тогда. А куда ани, э..., што с ним там ани зделали, этава я ня знаю ничево. Ну и вот. Сидели мы в этой яме, ф силосной. И вдруг налетели наши самалёты, наши савецкие самалёты налетели и взялися бамбить вот туда к Мозовэру дарогу вот эту. Эти немецкие машины шли по дороге туда, к Мозовэру, и ани вот начали бамбить эту дорогу и убили двух немецких салдат тауда.

Ну и вот... А мы сидели, мы сидели долга в яме в этой... И потом нас... нас немцы заметили: за... мы недалеко от дороги от этой сидели. И вот мы слышим: идут к ямы шагают па землицо, слышна, топают кто-та, идёт. Ну и вот... Аҫа... Пришли, мы заметили, значыт, эта ани, значыт, пришли к ямы.

А вот мы пока там сидели, в этой яме, вот в берегу в берегу-то ямы; ну вот где-та мы вырыли яму себе руками себе, што только головы-та да плеча туда была фтиснуты в эту яму, а зат-та да ноги-та фсе на улицэ [смеется]. Нам так страшна была. А вот плечы-та да голову затискали в эти... в эти... в эти ямы.

Но вот немцы подошли. Нас траих, значыт, самых маладых... Махают, што выхадите вон самые маладые. А што мы? Конешна, мы, эта... напугафшы да устафшы, день там атсидели, в ямы в этай. Выходим. Ну и вот... вышли мы. Ани показывают, што к нам пойдёмте сразу, ну... А што тогда думано! Да не знаеш, што и думано... Куда нас повели. Ну вот. Идём мы ззаду их, и ани... Вот а ты-та знаеш, где Ефимавна-та, через дарогу. А у них ужэ ямы вырыта были, ямы вырыта были, и вот ани..., и мы пришли, пришли, у их завёрнуты ужэ ф какито плашч-палатки или там во што-то такое... два два солдата. И они ужэ зарывають... зарывають, и ямы вырыта... И нам это што-то говорят. Мы ничево не понимаем. Мы это... берём лопаты, што это закапывать, думаем, нас заставляють. Они это махають

рукой, што «Не-не-не-не-не-не...» Аҫа... А вот показывають нам, што-то рас... и говорят, што вот што-то им надо там, што-то им надо. Мы ничево не понимаем. И потом они это (а ужэ лето было-то, июль июнь месяц-то, аҫа, и цвяточки) ... Вот они збегали, сорвали цвяточки и показали, што вот цветоф нам нясите. Вот мы тогда поняли – цветоф надо было несть. И вот и нас: «Марш!». Это опять показывають, што вот за цвятами за этими. И я помню, што я прибежала домой, домой прибежала, и у нас така герань была на окнах; и вот схватила эту герань, и понесла туда, и потом они заставили ышшо, вот посадить што-то надо ешшо. Мы, вот где Рокосовские-то жыли, вот туда збегали; розы выкопали и... и пасадили, и они до сих пор там. Там разрослося море... эти этой розы. До сих пор там цвя... я спрашывала у этих, у тросненских. Так говорят, там так разрослася эта роза... И они и нас, значыт, пасадили... мы цвяты эти, они нам, што: «Марш!» – прочь!

Уж я говорю – нечево и говорить. Ани с нами ничево плохова не зделали!